

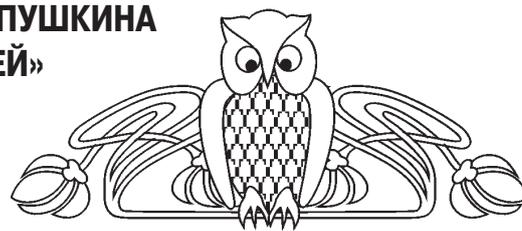

УДК 821.161.1.09[Пушкин+Франк]

ПРОБЛЕМА АВТОБИОГРАФИЧНОСТИ А. С. ПУШКИНА И ПРИНЦИП ЭЛИМИНИРОВАНИЯ «ВНЕШНЕЙ» БИОГРАФИИ В ТРУДАХ С. Л. ФРАНКА

А. В. Хрусталева

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: tevlin1982@mail.ru

В статье рассматривается важная для отечественного литературоведения проблема значимости биографических фактов в художественных произведениях А. С. Пушкина применительно к разным вариантам её решения. Обозначен особый путь решения, предложенный С. Л. Франком.

Ключевые слова: автобиография, А. С. Пушкин, С. Л. Франк.

The Problem of A. S. Pushkin's Autobiographical Meaning and the Principle of «External» Biography Elimination in S. L. Frank's Works

A. V. Khroustaleva

The article considers an important problem of the meaning of biographical facts in artistic texts of A. S. Pushkin from the point of view of different ways of its solution. A singular way of tackling the problem offered by S. L. Frank is specified.

Key words: autobiography, A. S. Pushkin, S. L. Frank.

Я. Л. Левкович в академическом труде 1966 г., подводящем своеобразный итог изучению А. С. Пушкина, отмечает, что начало XX в. было ознаменовано поиском новых и малоизвестных фактов биографии национального гения¹. Обратившись непосредственно к трудам пушкинистов 1910–1920-х гг., мы обнаружим, что проблема создания «научной» биографии поэта была, действительно, не единичной прихотью того или иного исследователя, продиктованной благородным пафосом любви к предмету исследования, но неким магистральным курсом, актуальность которого признавало большинство. П. Е. Щёголев прямо указывал, что именно создание достойной и достоверной биографии поэта сдвинет пушкиноведение с «мёртвой точки»: «Литература о Пушкине растёт с каждым днем. Пушкиноведение стало поистине органической потребностью науки истории русской литературы. И за всем тем у нас нет биографии поэта, сколько-нибудь отвечающей современным научным требованиям. Основная причина такого положения – в недостаточной монографической обработке отдельных моментов в истории жизни поэта»².

Интерес к изучению биографии Пушкина напрямую связывался с так называемой проблемой автобиографичности поэта. Пушкинисты были заинтересованы в как можно более точном определении, насколько конкретный эмпирический материал, имеющий отношение

к жизни поэта, соотносим с его художественным творчеством, а также допустима ли при этом экстраполяция биографических данных из пушкинской поэзии с последующим формулированием неких глобальных выводов. Нетрудно заметить, что решение указанной проблемы ведёт к обнаружению важнейших мотивов психологии творчества. Если мы можем доверять поэтическим высказываниям Пушкина как автобиографичным, то из этого, по правилу перенесения с части на целое, можно заключить, что многие «загадки» психологии творчества и других – русских или мировых – поэтов разгаданы, а наш национальный гений является в данном случае «лакмусовой бумажкой».

Понять острый интерес научной и критической мысли к отображению биографии Пушкина в его творчестве можно более основательно, если учесть, что за одной проблемой в данном случае скрывается другая. К началу XX в. в свете оформления новых эстетических направлений и смены культурных парадигм актуальным стал вопрос об осмыслении значимости основных достижений реализма. Чётко наметились две магистральные линии развития русской литературы – этическая и эстетическая. Под этической линией имеем в виду учение Н. В. Гоголя о самосовершенствовании человека, которое, несомненно, «принесло много плода» в литературе, под эстетической – новейшие искания модернистов в области формы. В. Соловьев был, пожалуй, первым, кто чутко расслышал в современном ему литературном контрапункте принципиальную «несмыкаемость», противоположность двух обозначенных тем.

Сначала приглушённо, а затем все более громко и открыто стал раздаваться вопрос – учит ли нас чему-то поэзия Пушкина, и если учит, то чему? Иными словами, можем ли мы принять на веру признание Пушкина о том, что поэт рожден только «для звуков сладких», для вдохновения и красивой эстетической игры, или же следует полагать, что поэт оставил нам серьёзное *нравственное* и *духовное* завещание.

Вопрос о биографии практически был только подспорьем. Если бы стало доказано, что Пушкин действительно автобиографичен, то от одного убедительного тезиса легко перейти к другому – раз поэт отразил в своем творчестве подлинные факты, то поэзия для него – не только игра, не

столько игра и так далее, вплоть до вывода о том, что Пушкин – учитель жизни.

Понятно, что особую остроту и, можно сказать, жизненную важность, рассматриваемая нами тема приобрела в 1920-е гг., когда новая власть начала внимательнее присматриваться к литературе, до которой ранее «не доходили руки» (сколь ни вульгарное, но соответствующее литературной ситуации тех лет словоупотребление). На смену эстетическому экстремизму Пролеткульта приходит «неистовое ревнительство» РАПП, и всё это время существует реальная угроза преемственности классического наследия. Достаточно вспомнить, что ведущий критик РАПП Г. Лелевич призывал изучать русскую литературу с Некрасова и поэзии революционных разночинцев, так как предшественники Некрасова, по мнению критика, не заслуживали внимания советской исследовательской мысли³. Г. Лелевич заявлял, что действительность в пушкинских произведениях дана **в искажении**, причиной чему служит якобы классовая ограниченность поэта.

Многие авторы издания «На посту» утверждали, что творчество Пушкина враждебно пролетарской литературе, поскольку в его произведениях находит отражение теория «искусства для искусства». Таким образом, для деятелей культуры, всерьез считавших сохранение культурной роли Пушкина делом жизни, изучение биографии поэта уже к тому времени окончательно утратило всякий оттенок хобби и любительства и приобрело характер, без преувеличения скажем, мессианства. Показательна в этом отношении деятельность В. Брюсова, потратившего массу энергии на развитие концепции революционного мировоззрения Пушкина, причём опорой для нахождения подобных идей, естественно, была биографическая канва⁴.

К этому вопросу столетней давности не стоило бы возвращаться сегодня, но современному исследователю уже стали очевидны плачевные обстоятельства – Пушкин удаляется от нас всё далее и далее, из бронзового памятника и «культурного героя» он превращается в малоизвестного (sic!) литератора прошлого, которого мимоходом изучают в школьной программе, а указанная нами выше проблема далека от окончательного решения.

Проблема автобиографичности пушкинского творчества, если осознать её во всей полноте, подразумевает использование неохватного контекста для своего решения – фактически требуется определить, существует ли обусловленность и взаимозависимость между поэтической деятельностью творческой личности – автора произведения, и жизнью того же автора в определенный отрезок времени во всей совокупности конкретных социально-бытовых и исторических характеристик рассматриваемого периода.

Необходимо в связи с этим обратить внимание читателя на два аспекта проблемы. Во-первых,

степень биографичности поэта интересовала читательские круги не только в период 1910–1920-х гг., но и значительно ранее, интерес этот носил, таким образом, перманентный характер для русской культуры. Во-вторых, степень разработанности проблемы и пути её решения в отечественном и зарубежном литературоведении различны, и этот факт заставляет обратить на себя внимание.

Уже в XIX в. существовала практика использования лирических текстов Пушкина для заполнения лакун в его биографии, причём она была основана на убежденности в некоей «честности» Пушкина, якобы поэт не мог и не умел выдумывать иные обстоятельства, кроме тех, которые сам пережил. Однако и одному из первых биографов поэта, П. В. Анненкову, было ясно, что применение биографической интерпретации для создания жизнеописания Пушкина нуждается в серьезном научно-теоретическом обосновании.

Ещё до «накала страстей», в конце XIX в., Д. Мережковский заявил, что Пушкин представляет собой удивительное гармоническое единство поэта и человека. Когда мы говорим о его поэзии, нужно иметь в виду, что она слита с реальной жизнью в одно целое. Чуть позднее В. Соловьёв поддержал Мережковского и открыл в русской философской критике традицию рассмотрения Пушкина как единого и неделимого «во всех ипостасях».

Эта точка зрения на творчество поэта приобрела последователей в зарубежном литературоведении, представленном в том числе и русской эмиграцией. Во многом способствовал распространению подобных взглядов В. Ф. Ходасевич, принципиально отказывавшийся видеть в пушкинском творчестве декларацию двойного бытия художника. В статьях конца 1920-х гг. Ходасевич утверждает, что жизнь поэта неразрывно связана с его творчеством.

В своём труде «Поэтическое хозяйство Пушкина» Ходасевич доказывал, что пушкинское произведение «Русалка» имеет под собой вполне реальное основание – в апреле–мае 1826 г. Пушкин выслал забеременевшую от него дворовую девушку из Михайловского в Москву Вяземскому, прося приютить её и позаботиться о ребенке. Это позволило исследователю заключить, что высланная девушка – прототип героини литературного произведения, и Ходасевич заключил из этого: «...“Русалка”, как и весь Пушкин, глубоко автобиографична...»⁵

В качестве подкрепляющего аргумента в пользу своего тезиса об исклЮчительной пушкинской автобиографичности Ходасевич использует авторские самоповторы, найденные в большом количестве и связанные с определенными, легко устанавливаемыми эпизодами жизни поэта. Примечательно, что поскольку статья Ходасевича о «Русалке» вышла в 1924 г., то в тезисе о неразрывной связи между поэзией и реальностью можно усмотреть и выпад против основного по-

студента советского литературоведения о «двух» Пушкиных.

Десятилетием ранее та же позиция активно развивалась в отечественном литературоведении М. О. Гершензоном, который категорично отстаивал тезис об исключительной фактографической «честности» Пушкина. По мнению Гершензона, Пушкин якобы явил собой настолько гармоничное единство человека и творца, что «никогда не выдумывал фактов... напротив, в этом отношении он был правдив и даже точен до йоты»⁶. Исследователь полагает, что Пушкин не мог, например, писать о метели в солнечный день ранней осени, так как воображение поэта всегда носило очень конкретный характер.

Понятно, что поиск в творчестве примет реальной жизни, биографический подход в духе Гершензона и Ходасевича был встречен не только аплодисментами, но и критикой. В. Вересаев, называя свою книгу о поэте «В двух планах», хотел тем самым подчеркнуть наличие пропасти между Пушкиным-человеком и Пушкиным-поэтом.

Опровергая ряд принятых в литературоведении датировок, в том числе дату написания элегии на смерть Амалии Ризнич, Вересаев указывал: «Пушкин был, бесспорно, художественно честен, но отнюдь не в автобиографическом плане. Вера в автобиографическую точность его поэтических показаний представляет один из самых странных предрассудков нынешних исследователей»⁷.

Вересаев полагал, что многие авторы передают в творчестве основную массу событий своей жизни: к этому списку следует причислить древних поэтов Архилоха, Алкея, Сафо, в новое время представителем такого авторского типа стал Байрон, но Пушкин не должен рассматриваться в одном ряду с мастерами художественного слова, перечисленными выше. Он никогда, по мнению Вересаева, не выражал непосредственное чувство сразу же, только его испытал. В подавляющем большинстве произведений мы имеем дело с воспоминанием, но не с моментальным отображением чувства. Таковы «Погасло дневное светило», «Редеет облаков летучая гряда» и многие др.

Вересаев перечисляет факты намеренного искажения действительности Пушкиным, причём особенно ярко смотрится в его труде сопоставление поэтического описания поэтом фонтана Бахчисарайского дворца: «Фонтан любви, фонтан живой!» с «прозой жизни», как она отображается в одном из писем: «Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошёл дворец с большой досадой на небрежение, в котором он истлевет»⁸. Вывод же из своих наблюдений Вересаев делает следующий: «Ни единого твердого биографического факта нельзя извлечь непосредственно из поэтических признаний Пушкина»⁹.

Нет ничего удивительного в том, что многие формалисты и учёные, условно говоря, «сочувствовавшие» формализму, требовавшие от ли-

тературоведения создания *теории*, а не истории литературы, откровенно высмеивали как саму постановку рассматриваемой проблемы, так и существующие варианты её решения. Одним из ярких сторонников «радикального антибиографизма» выступал Б. М. Эйхенбаум, неоднократно подчёркивавший в своих трудах, что факты биографии не могут верифицироваться ни по художественным произведениям, зачастую не имеющим к реальной жизни никакого отношения, ни даже по дневникам. «Исходя из убеждения в том, что словесное выражение не даёт действительной картины душевной жизни, мы должны как бы не верить ни одному слову дневника и не поддаваться соблазнам психологического толкования, на которое не имеем права»¹⁰.

Канонической является, по существу, вплоть до настоящего момента антибиографическая позиция Б. В. Томашевского, согласно которой биография в контексте литературной среды выполняет служебную роль, позволяет «маскировать» автора и нарратора в произведении: «Так – из реальных фактов (по тщательной их переборке), из некоторой биографической инсценировки, из муссированных биографических мотивов создаётся литературная биография-миф, не всегда сведенная, не всегда согласованная»¹¹.

Острая критика концепции Гершензона – Ходасевича звучала не только в отечественной, но и в зарубежной печати. Так, М. Л. Гофман называл тезис об автобиографичности Пушкина фантастическими домыслами¹².

В связи со всем вышесказанным актуальной задачей современного литературоведения нам кажется выяснение, какой была рецепция обозначенной проблемы конкретно в религиозно-философской критике – феномене, изученном и представленном в современном научном дискурсе явно недостаточно. Есть все основания полагать, что данный вопрос был актуален для философов, прибегавших к жанру литературно-критических эссе. Своё мнение по указанной проблеме оставили С. Н. Булгаков, К. И. Зайцев, В. В. Зеньковский, И. А. Ильин, С. Л. Франк и др.

Далее мы остановимся очень кратко на точке зрения С. Л. Франка, поскольку она, взятая сама по себе, отдельно, показательна для русской религиозно-философской критики в целом. С. Л. Франк, по сути, дал начало особому, «третьему» пути решения указанного вопроса.

Работы С. Л. Франка о Пушкине, опубликованные в течение шестнадцати лет (в период с 1933 по 1949 г.), имели своей целью «гуманитаризацию» литературоведения, возвращение ему былого духовного центра в противовес достижениям формального метода. Через все пять статей о Пушкине проходит мысль исследователя о недопонятом и недооцененном сокровище, которое таится в произведениях поэта. В юбилейный 1937 год С. Л. Франк, подводя некие итоги, упрекает пушкинистов в чрезмерном увлечении

частностями пушкинской жизни и творчества, тогда как упущено куда более важное. Он отмечает, что пора «перестать, наконец, смотреть на Пушкина, как на “чистого” поэта, чарующего нас сладкими звуками и прекрасными образами, но не говорящего нам ничего духовно особенно значительного и ценного, и научиться усматривать и в самой поэзии Пушкина, и за ее пределами (в прозаических работах и набросках <...>) таящееся в них огромное, оригинальное и неоцененное духовное содержание»¹³.

В 1933 г. Франк в своей статье «Религиозность Пушкина» утверждает, что поэт был «истинно русской “широкой натурой” в том смысле, что в нем уживались крайности; едва ли не до самого конца жизни он сочетал в себе буйность, разгул, неистовство с умудренностью и просветленностью»¹⁴. Таким образом, мысль автора вроде бы идёт в русле противопоставления «двух Пушкиных», так, как это сделано, например, у П. Б. Струве, полагавшего необходимым разделять у поэта дух и душу. Дух у Пушкина – ясный, светлый и гармонический, а душа – разгульная и праздная.

Но, принимая во внимание, что Пушкиных два: первый – великий творец, второй – человек, не лишённый недостатков, Франк часто использует в своей статье словоформу «автобиографический», и это наглядно демонстрирует его готовность усматривать прямую связь между жизнью и искусством. Более того, мыслитель считает возможным говорить о религиозном мировоззрении Пушкина как ключевой составляющей его творчества, а все проявления известного пушкинского «озорства», например, описанные в дневнике Вульфа, относятся исследователем к показному цинизму, маскирующему ранимость души поэта. «В самую буйную эпоху жизни Пушкина в Кишиневе возникает автобиографическое послание к Чаадаеву, свидетельствующее о почти монашеской отрешенности и тихой умудренности внутренней духовной жизни»¹⁵. Находим также и далее: «Несомненно автобиографическое значение имеет замечание Пушкина о “притворной личине порочности” у Байрона»¹⁶.

Франк ставит перед собой задачу показать наличие у Пушкина глубокого религиозного чувства, и, несомненно, в решении такой задачи он не может обойтись без использования в качестве аргумента пушкинских поэтических признаний. Таким образом, Франк приходит к заключению, что «мы имеем все основания при уяснении религиозности Пушкина принимать в расчет, как автобиографический материал, все серьезные произведения поэзии Пушкина». И далее: «Пушкин, как справедливо указал Гершензон, был существом необычайно правдивым, и в своем поэтическом творчестве он просто не мог ничего “выдумать”, чего он не знал по собственному духовному опыту; художественная способность “перевоплощения”, сочувственного изображе-

ния чужих духовных состояний основана у него именно на широте его собственного духовного опыта»¹⁷.

Но Франк не встаёт на одну сторону баррикад вместе с Ходасевичем и Гершензоном. Он готов искать у Пушкина воспроизведение биографических подробностей только в той степени, в какой они помогают построению *духовной* биографии поэта. То, что не имеет отношения к нравственно-религиозному, этическому поиску, является для мыслителя «внешним», по его собственному определению, наносным и непринципиальным.

Предыдущие разыскания в области биографии великого русского поэта неудовлетворительны для философа. Франк видит некоторое упрощение как в позиции сторонников «целостной личности», так и у поборников теории «раздвоенного» Пушкина. Главный недостаток этих концепций в том, что они не дают многому объяснения. Будучи недостаточными по своей сути, обе концепции не проясняют ни политических взглядов Пушкина, ни тонкостей его мировоззрения. Поэтому Франк находит необходимым для себя подчеркнуть особую значимость «третьего» пути, при котором мы иначе решим вопрос значимости биографических подробностей и начнём более глубоко и пристально вглядываться в творчество поэта.

Прежде всего, Франк считает постановку проблемы неверной. Он предлагает сместить акцент с «внешней» канвы событий в жизни автора на опыт духовной трансформации поэта или писателя. Таким образом, мыслитель выступает против радикального «антибиографизма». По его мнению, именно дневники и письма способны дать наиболее полную информацию об авторе. Франк пытается понять духовный опыт поэта в единстве эмпирических фактов и художественного творчества. «Поэзия Пушкина, конечно, не есть безукоризненно точный и достаточный источник для внешней биографии поэта, которою доселе более всего интересовались пушкиноведы; в противном случае пришлось бы отрицать не более и не менее, как наличие поэтического творчества у Пушкина. Но она вместе с тем есть вполне автентичное (сохранена орфография автора. – А. Х.) свидетельство содержания его духовной жизни...» – замечает мыслитель¹⁸.

Обозначая две тенденции, существующие в пушкинистике, Франк полагает: «Оба мнения, повторяю, представляются явно несостоятельными: однако, первое из них, при всех его очевидных преувеличениях и крайностях, все же несомненно ближе к истине, чем последнее – ближе к целостному восприятию духовной личности Пушкина»¹⁹.

Таким образом, по Франку, основополагающим мотивом творчества является всегда не конкретный денотат, не конкретное впечатление, но опыт религиозного преобразования личности. «При всем различии между эмпирической жизнью поэта и его поэтическим творчеством, духовная

личность его остается все же единой <...> Можно смело утверждать, что все основные мотивы его (Пушкина. – А. Х.) лирики выражают то, что было “всерьез”, глубоко и жизненно прочувствовано и продумано для себя самого Пушкиным, и что большинство мотивов и идей его поэм, драм и повестей стоит в непосредственной связи с личным духовным миром поэта»²⁰.

Понятно, что позиция Франка по вопросу пушкинской автобиографичности предсказуема. Известно, что вопросы религии занимают мыслителя чуть ли в течение всей его жизни. Еще в первых трудах философского характера, в том числе в широко известной работе «Ф. Ницше и этика любви к дальнему» философ указывает на близорукость установок русской интеллигенции, которая предпочла бунтарство Шиллера религиозно-уравновешенному умунастроению Гёте, борьбу за права «ближнего» познанию «дальнего». По Франку, интеллигенция пренебрегает религией, и именно в этом источник её бед, шаткости и непрочности культурных устремлений этого слоя русского общества.

Интересно в связи со всем вышесказанным то, что, руководствуясь одними и теми же фактами, одними и теми же источниками, Франк и, например, Вересаев находят в одних и тех же строках Пушкина совершенно разное. Вересаев с горечью замечает, что Пушкин ел скоромную еду во время поста, Франк же удивляется тому, как читатель не заметил, что восприятие Пушкиным христианства далеко от обыденно-формального; Вересаев спешит заверить читателя, что в пушкинской поэзии нет ни одного реального указания на стремление поэта к сионским высотам, Франк видит в любой циничной шутке Пушкина скрытую религиозность.

На основании материала, изложенного выше, правомерно заключить, что биография создания произведения активно используется Франком при анализе художественного текста.

УДК821.161.109-32+929Гиппиус

МИР ЗВУКОВ В НОВЕЛЛАХ «МИСС МАЙ», «ЯБЛОНИ ЦВЕТУТ» (к вопросу о поэтике малой прозы З. Гиппиус)

Ю. И. Курило

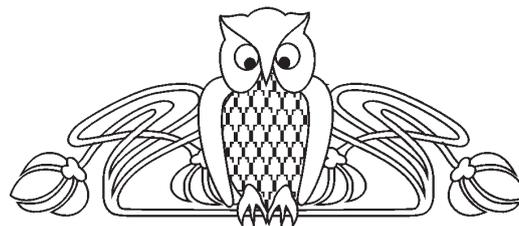
Саратовский государственный университет
E-mail: kurilo-yuliya@yandex.ru

В статье исследуются звуковой фон и его смысловая функция в образной структуре малой прозы З. Н. Гиппиус (на материале ранних новелл).

Ключевые слова: З. Гиппиус, звук, молчание, голос, природа, герои.

Примечания

- 1 См.: *Левкович Я.* Биография // А. С. Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М., 1966. С. 276.
- 2 *Щёголев П.* Дуэль и смерть Пушкина. СПб., 1916. С. 7.
- 3 См.: *Лелевич Г.* Поэзия революционных разночинцев. 60–80-е годы XIX века. Л., 1931.
- 4 См. подробнее: *Сурат И.* Личный опыт в лирике Пушкина и проблема построения биографии поэта : дис. в виде доклада ... д-ра филол. наук. М., 2001 ; *Ясакова Е.* А. С. Пушкин в литературно-общественной ситуации 1920-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001 ; *Черниговский Д.* Проблема создания биографии Пушкина. М., 2002.
- 5 *Ходасевич В.* Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924. С. 119.
- 6 *Гершензон М.* Избранное. Мудрость Пушкина. М., 2007. С. 91.
- 7 *Вересаев В.* В двух планах. М., 1929. С. 12.
- 8 Там же. С. 48.
- 9 Там же. С. 37.
- 10 *Эйхенбаум Б.* О литературе : работы разных лет. М., 1987. С. 36.
- 11 *Томашевский Б.* Пушкин. Работы разных лет. М., 1990. С. 47.
- 12 См.: *Гофман М.* Утаённая любовь Пушкина // *Руль.* 1928. № 2290. 10 июня.
- 13 *Франк С.* Пушкин как политический мыслитель. Белград, 1937. С. 12.
- 14 Цит. по: *Франк С.* Религиозность Пушкина // *Пушкин в русской философской критике.* М., 1990. С. 382.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 Там же. С. 383.
- 18 Там же.
- 19 *Франк С.* О задачах познания Пушкина // *Пушкин в русской философской критике.* С. 433.
- 20 Там же.

The World of Sounds in the Novellas «Miss May», «The Apple Trees Blossom» (to the Question of the Small Prose Poetics of Z. Gippius)

Yu. I. Kurilo

In the article the sound background and its sense function is analyzed in the image structure of Z. Gippius small prose (based on the material of the early novellas).

Key words: Z. Gippius, sound, silence, voice, nature, characters.